Игры с огнем

Автор:
Яна Ясная

Игры с огнем

Яна Ясная

Игры с огнем #1

За все в жизни надо платить. Моей платой за обучение в наипрестижнейшей школе Андервуд стал Эдвард Феррерс. Аристократ, огненный лорд, мерзавец и заноза в заднице. Я всем сердцем его ненавижу, и он отвечает мне взаимностью.Что, впрочем, не мешает мне… Но об этом никто не узнает. Это – секрет.

Часть 1. Высечь искры

Глава 1

Кейт

Сам по себе Феррерс мне не нравился.

А вот секс с ним – нравился еще как. Во время секса надменный, самовлюбленный и изрядно отмороженный, прости господи, аристократишка здорово менялся. Становился собранным, внимательным, аккуратным и тактильным – качества, которых от него сроду не видывали окружающие в

повседневной жизни. Даже забирая мою девственность, он был сосредоточен и внимателен и, кажется, готов был остановиться, встретив отказ – но я настолько обалдела от резкой смены курса в отношениях, что сразу решительного «нет» не сказала.

А когда опомнилась, было уже поздно – вечное неуемное любопытство подзуживало узнать, что же в этом действе такого, что мужчины и женщины с ума сходят, а обостренное чувство справедливости шептало, что нечестно поступать с Феррерсом так жестоко: останавливаться надо было раньше, а не тогда, когда он совсем отпустил самоконтроль. И если теперь начать сопротивляться, его может и понести по кочкам, и проще перетерпеть, и вообще, не так уж мне и неприятно… А потом то ли Феррерс наработал навык, то ли я вошла во вкус – словом, наши отношения этот год состояли из двух слоев. В первом Эдвард Феррерс, знатный дегенерат, изводил умненькую девушку-заучку из числа незнатных, а во втором… во втором я самозабвенно и страстно отдавалась этому придурку, каждый раз заново удивляясь, как отзывалось на него мое тело, и как чутко и внимательно он обходился с партнершей.

О сногсшибательном событии мы оба молчали, не сговариваясь. Я – потому что хорошая девочка, тихая правильная умница, уж точно никогда бы не пошла на такое, и я изо всех сил берегла репутацию, а он, подозреваю, по той же причине. Феррерс – старая магическая знать, древний огненный род, и отношения с низкородной, с волшебницей-простолюдинкой без двадцати поколений знатных магов за спиной, такая потеря лица, выдержки и самоконтроля ставила на его репутацию куда более жирное пятно, чем на мою – интимная связь с одним из первых придурков школы.

Словом, плохо, очень плохо.

Недостойное поведение. Для обоих.

Я вспомнила об этом мимолетно, и тут же забыла – тяжело думать о постороннем, когда сжимаешь коленями мужскую талию, а чужое твердое тело яростно вколачивается в тебя, вдавливая в стену, выбивая дыхание и мысли, и оставляя чистое солнечное наслаждение…

* * *

Выскользнув из пустого по вечернему времени кабинета счислительной магии, я оставила старого неприятеля дожидаться конспиративно обоснованного интервала между нашими передвижениями, а сама отправилась в свою комнату, предаваясь воспоминаниям на ходу

Все началось, когда я поступила на первый курс Андервуда, Трауманской школы магии. Феррерс учился на втором и в один из первых же дней обучения я имела счастье столкнутся с ним в столовой. Уж не знаю, чем не угодила отпрыску знатного рода ничем не выдающаяся Кейт Сеймур двенадцати лет от роду, русоволосая, сероглазая, худощавой комплекции, предположительная стихия – Воздух, тихая и замкнутая, но встречу эту я никогда не забуду. Феррерс пренебрежительно высказался в адрес моего потрепанного, но нежно любимого рюкзака, я огрызнулась, вступившись за честь боевого товарища, и тогда он с приятелями обступили меня, не позволяя уйти, и осмеяли обидно, унизительно и зло. Прошлись по всему, от происхождения и небогатой одежды до умственных способностей, по их убеждению, весьма скромных, а то и вообще, отсутствующих. С поля боя я спаслась позорным бегством, под общий хохот с трудом растолкав мальчишек на год старше, и до конца дня забилась в библиотеку.

Если кто подумал, что я затаилась между полками и предалась рыданиям, то он глубоко ошибся. До этого я училась в простой, немагической школе Сент-Даумана, с аристократами не сталкивалась, об их особенностях и закидонах молодняка знала только теоретически и смутно, а о внутренней иерархии Андервуда и вовсе представления не имела.

Зато имела опыт общения с неблагополучными сверстниками, обожавшими поначалу задирать отличницу-одиночку, и пресекать подобные наскоки привыкла в зародыше, чтобы и в голову не приходило считать меня безропотной жертвой и слабачкой.

Весь остаток дня в библиотеке и спальне я готовила ответ, а глубокой ночью пошла на дело.

Наутро все учащиеся и сотрудники Андервуда имели возможность приобщиться к прекрасному: на стенах в холле, коридорах первого и второго этажей, а также на лестницах и в туалетах к стенам намертво были приклеены листочки со стихами, принадлежащими перу неизвестного, но богато одаренного поэта:

Кто позорит Андервуд?

Это Феррерс, тупой шут!

Кто родовит лишь на бумажке?

Феррерс, гнусная какашка!

Поэтический клуб Сент-Даумана мной гордился бы. Да что там, он рукоплескал бы мне стоя!

Злобного вдохновения мне хватило на полдесятка стишков, все оставшееся время я прилежно и старательно переписывала их на разноцветные листочки. Клеила на стены самым обычным, не волшебным клеем, разорив запасы невнимательного смотрителя библиотеки – для конспирации, чтобы не вычислили.

Естественно, это не помогло.

Автора пламенных строк моментально нашли, последовало разбирательство, обоих участников конфликта вызвали к директору, туда же пригласили родителей конфликтующих сторон.

В кабинете директора все сидели с очень серьезными лицами. Директор, моя мама, отец Феррерса, мой декан и декан курса, где учился Феррерс, еще какие-то взрослые – и мы двое. Все взрослые – очень строгие, очень прямые, как будто проглотили целую рощицу палок. А на столе лежали те самые бумажки – штук пять навскидку.

Один из незнакомых взрослых с каменной миной огласил суть инцидента.

Мама Очень Строгим Голосом отчитала меня за неуважение, проявленное к древнему славному роду, напомнила, что к аристократическим семьям должно проявлять почтение, потому что…

Признаю честно, я перестала слушать, как только поняла, что от меня требуют уважения и почтения к белобрысому гаду.

Когда мама замолчала, заговорил Феррерс-старший. Но не со мной, а со своим сыном. Так же строго, как и мама – мне, он прочел Феррерсу-младшему лекцию, что тот не должен обижать меня, потому что я девочка, я младше и слабее, а значит…

Подозреваю, мелкий аристократишка перестал слушать еще быстрее, чем я. Но взрослые все кивали с одобрительным видом.

Потом директор Пакгауен выразила надежду, что подобное больше не повторится, и разрешила нам с мелким Феррерсом проводить родителей. А когда все встали, лорд Феррерс обратился к директору:

– Могу ли я забрать эти записки? – и указал на разноцветные бумажки, выложенные у директора на столе ровным рядом.

– Прошу прощения, но я тоже бы хотела их забрать! – с изумлением услышала я мамин голос.

Высокий лорд – в прямом смысле высокий, выше мамы почти на голову – надменно повернулся к нам, и я залилась краской, потому что точно знала, зачем маме эти идиотские стишки. Лорд не успел ничего сказать, потому что в назревающий конфликт вклинилась директор:

– Ну что вы, не стоит беспокоиться, господа! Здесь на всех хватит, – светски обронила она и со смачным звуком шлепнула на стол коробку, размером с обувную, доверху полную разноцветных квадратиков.

Лорд Феррерс взглянул на меня с некоторым подобием уважения, а потом забрал всю коробку и ушел порталом вместе с отпрыском.

А я с отчетливой ясностью поняла – лорд Феррерс ведет школьный альбом своего сына точь-в-точь, как и простая домохозяйка Элен Сеймур из Сент-Даумана.

* * *

Я училась в Андервуде уже больше пяти лет. Шестой год обучения – предпоследний.

Нельзя сказать, что магическая школа-пансион закрытого типа Андервуд, в который я так стремилась, прорывалась с боем, самоподготовкой и экзаменами, такая уж синекура. Отнюдь.

Здесь не принято баловать студентов.

Любые виды связи, кроме магической, в Андервуде запрещены. Нет, учащихся не обыскивали, не отбирали телефонов – просто вся школа была накрыта заклинанием, делавшим новомодные устройства кусками бесполезного пластика. Навсегда. Хочешь общаться с семьей? Осваивай магические средства связи, благо, их много, на любой вкус, достаток и уровень мастерства. Не можешь? Раз в неделю школа предоставит тебе десять минут разговора, и на этом все.

В течении учебного школа обеспечивает студентам питание, крышу над головой, присмотр и качественное образование. На этом все. Хочешь большего – наколдуй.

Зеркало – одно на этаж, в душевых. Большое и зачарованное на чистоту и неразбиваемость, но одно! На двести с лишним девиц.

В каждой комнате – четыре студентки, и даже для знатных девушек не делается исключений. Хочешь уединения – наколдуй ширму, поставь отсекающий полог, извернись как-нибудь еще.

Форму и постельное белье стирает школьная прачечная, но в остальном – либо осваивай очищающие, портняжные и разглаживающие чары, либо получай регулярную выволочку за неопрятный вид.

А каждое замечание понижает статус учащегося на несколько единиц, в зависимости от серьезности. Опустишься до пятидесяти баллов – прощайте, увольнительные на выходные.

Опустишься до ноля – вылетаешь.

Вот такой вот нехитрый воспитательный прием. Необходимый минимум удобств обеспечен, хочешь большего – колдуй.

Чем больше маг использует свою силу, тем сильнее он становится, чем чаще практикуется – тем проще ему даются чары. Два мага, с исходно одинаковым потенциалом, один из которых забросил практику, а другой часто и сложно колдует – это два мага с разным уровнем. А в перспективе – и с разным потенциалом. Каково же было мое удивление, когда я поняла, что магическая сила, не постоянна, она, как и физическая, как и интеллект, требует постоянной тренировки!

Здесь дети самого простого происхождения учатся на равных с детьми магической аристократии. И если я в школьной драке врежу какому-нибудь знатному отпрыску, то мне за это ничего не будет. То есть, будет конечно – школьное разбирательство, выяснение, кто прав, кто виноват, и взыскание, наложенное на обоих участников конфликта в зависимости от степени вины. Хотя, почему – будет? В моем случае, правильнее говорить – бывало. А вот за пределами школы мне бы за такие номера не поздоровилось – разве что, Феррерс бы первый начал драку, и тому нашлись бы свидетели.

Это не то, чтобы дискриминация – представители старых магических родов чудовищно сильны, малочисленны и обвешаны обязательствами, как бродячая псина – клещами. В случае войны, стихийного бедствия или иной катастрофы они отправятся в горнило первыми. И бо?льшие обязанности дают им бо?льшие права.

Но здесь, в Андервуде, дети аристократов получают свои уроки, отличные от моих. Урок выживания и взаимодействия в социуме. Вне надежных стен родовых имений, без опеки бдительных родственников, наедине со своей силой. Один на один с собой.

Если честно, я удивлялась, как они нам школу не разнесли!

Видимо, именно для того, чтобы не разнесли, к каждому учащемуся высокого происхождения, приставлен личный тьютор. Все остальные учащиеся имеют право на индивидуального наставника, если родители желают и имеют возможность оплатить его услуги, но для аристократов это обязательно.

И когда про Андервуд говорят «школа-пансион закрытого типа», имеется в виду, что это действительно – школа закрытого типа. Домой – только на каникулы. Даже для тех, кто живет неподалеку. Даже для тех, кто имеет возможность приобрести артефакт-портключ. Каникулы – два раза в год. Зимой две недели и летом два с половиной месяца. Посещения – в исключительных случаях. Строгие преподаватели, высокие требования и нешуточные нагрузки…

Но я любила эту школу. Я была благодарна за каждый из проведенных здесь пяти годов.

И все это время тянется наше противостояние с Феррерсом. Возможно, не огрызнись я тогда так свирепо, промолчи – и он отцепился бы, нашел другого противника. А может и нет – теперь не угадать.

За пять лет нашей вражды было все – испорченные вещи, заклинания-ловушки, оговоры, драки. Рукоприкладство, следует признать, всегда начинала я – доведенная до белого каления травлей и издевками богатенького урода, я срывалась и ввязывалась в рукопашную, пытаясь выцарапать ему глаза или разбить нос. И под глумливые шуточки оказывалась на земле. Аристократы, которым выдержку прививали с младенчества, на подобные признаки потери лица смотрели брезгливо. Но мне было плевать – мне нестерпимо хотелось врезать по этой мерзкой роже… С возрастом я умнела, набиралась опыта, и к третьему курсу перешла на магические приемчики, к концу пятого научилась практически не давать себя зацепить, и была уверена, что на шестом для меня все изменится, и я больше не позволю втянуть себя в противостояние.

Угу. Как бы не так!

* * *

В спальню, которую делила еще с тремя соседками, я вернулась незадолго до отбоя. Девчонки, привыкшие к тому, что нелюдимая Сеймур ходит, где вздумается, и гуляет сама по себе, как ее знаменитая тезка, не предали этому особого значения. И хорошо, потому что заклинания заклинаниями, а какие-то следы могли и остаться – беспорядок в одежде, неподобающий след от засоса, непримеченный сходу…

– На свидание ходила? – рассеяно спросила, не отрываясь от учебника, Алетта.

Я мысленно вздрогнула, но взяла себя в руки. Спокойно, Кейт! Она просто бездумно ляпнула что попало!

– Угу. С Феррерсом, – отозвалась я и с самым безразличным видом полезла за умывальными принадлежностями.

Алетту ощутимо передернуло. Рива и Гвен, две другие соседки, строчившие на двоих одно сочинение, взглянули на меня явно сочувствующе.

Моя вражда с Феррерсом ни для кого не была секретом. О том, как изводил меня аристократ, имеющий не самые маленькие в нашей школе возможности, знали все. Кто-то мне сочувствовал, кто-то, считая зазнайкой и гордячкой, говорил, что так мне и надо…

Но никто не хотел оказаться на моем месте.

Я зарылась в тумбочку почти по пояс, выискивая кое-что, необходимое для похода в душ, когда Алетта выдала:

– Хорошо, что ты вернулась. Твой Эдвард за те две недели, что тебя не было, всю школу извел.

Я изумленно вынырнула из тумбочки, чуть не уронив добытый в ее недрах вожделенный сверток размером с ладонь:

– Что еще за Эдва… – и замолчала на полуслове, сообразив, кого соседка имела ввиду.

– Так Феррерс же, – с откровенным недоумением разглядывая меня, подтвердила мою догадку Алетта.

Браво, Китти. Великолепно. Ты даже не сразу вспомнила, как зовут парня, с которым ты спишь!

Мне стало немного стыдно, но я быстро задавила это чувство.

В конце концов, это же все не всерьез…

Собрав, наконец, все нужные мне пожитки, я ретировалась в душ.

Одним из немногих недостатков Андервуда, на мой взгляд, были общие спальни, на четверых-шестерых студенток. А девушка, между прочим, иногда испытывает потребность остаться в одиночестве. Вот как я сейчас. Коротко размяв пальцы, я привычным посылом соединила вместе слово, жест и силу. Опустив руки, внимательно изучила результат – повисшее передо мной зеркало. У меня оно, почему-то всегда получалось овальным, большим и гладким, но без рамы. Зато послушно зависало там, где мне нужно. Не найдя в своем волшебстве изъянов, по крайней мере, существенных, я принялась ювелирными, филигранными касаниями силы растягивать магический конструкт, пока он не разделился на два.

Отлично! То, что надо!

Встав между двумя зеркалами, я придирчиво стала проверять, нет ли где на мне компрометирующих следов, попутно выплетая простенькое целительское заклинание.

Вот внизу на левой груди красноватое пятнышко-засос, а под лопаткой полукругом след укуса. А на бедрах – следы пятерни. Похоже, кое-кто в момент оргазма от души вцепился в меня железной лапой!

…запрокинутая голова, беззащитно открытое горло, которое я с наслаждением прихватила губами, двигаясь в унисон с его жадными толчками, рваные, хриплые выдохи, и остро-сладкое ощущение безжалостных пальцев, впившихся в меня в момент разрядки…

От непрошенного воспоминания сладко екнуло в животе.

Все же, следовало отдать Феррерсу должное, отогнав ненужные мысли признала я. В таких вопросах он был чрезвычайно аккуратен, и если оставлял на мне следы, то в тех местах, где он не будут заметны.

Я вздохнула, применила заживляющее заклятие и отправилась под душ. Хотя избавляться от засоса было почему-то жаль…

После того, как следы преступления были сведены и смыты, дошла очередь и до таинственного свертка из тумбочки. Бережно развернув мягкую ткань, я установила на полу душевой артефакт, полученный от повивальной ведьмы, и приступила несложному, но обязательному ежемесячному ритуалу.

Капля крови на нефритовую статуэтку двух ладоней, соединенных лодочкой, с зажатой между ними жемчужиной. Три шага вокруг по часовой стрелке. Малая толика силы, направленная в артефакт. Три шага по часовой стрелке. Волос, бережно сложенный колечком, прилип к зеленому камня, стоило мне лишь разжать пальцы. Три шага по часовой стрелке. Всё.

Жертва крови, жертва силы, жертва плоти, замкнуть круг.

Вокруг ладоней появилось слабое сияние, а когда оно исчезло, на полированной поверхности не осталось следов ни крови, ни моей магии. Да и волос исчез, как не бывало.

Не знаю, как там у других, а со мной мама поговорила о контрацепции и бережном отношении к себе еще перед третьим курсом, когда сочла меня достаточно взрослой для подобных тем. Тогда же она рассказала, какой вред наносят организму женщины прерывание беременности, чем чреваты половые инфекции и попросила, случись у меня вдруг проблема, ни в коем случае не молчать, прийти к ней – и вместе мы все решим.

И пусть Феррерс, с которым, видно, провели подобную же беседу его родители, запугивая вереницей незаконных наследников, после каждого нашего тесного общения пользовался соответствующими чарами, но я все равно в первый же выходной после внезапно случившейся у меня личной жизни, обратилась к ведьме соответствующего профиля, и аккуратно исполняла все ее рекомендации.

Ритуал следовало проводить за пару-тройку дней до начала менструаций, и я ухмыльнулась – скоро Андервуд ждут нелегкие пять дней. Две недели меня не было, а теперь еще и это…

А воздержание определенно скверно влияло на феррерсовский характер, и так далекий от идеального.

Уже одевшись, перед тем как развеять зеркала, я снова придирчиво рассмотрела свое отражение.

Чистая светлая кожа, нежный румянец, длинные волосы светло-русого цвета. Невысокая, стройная, сероглазая, целиком и полностью приличная – а что физиономия очень уж довольная, так мало ли, с чего бы это!

Глава 2

Для того, чтобы я могла уехать из школы на две недели, пришлось потрудиться. Помимо того, что мы с мамой чуть не утонули в документах, необходимых для оформления разрешения, я еще и получила длинный список заданий и рекомендаций по всем пропущенным предметам, а теперь меня ждали проверочные работы по изученному самостоятельно материалу. Но оно того стоило.

В начале года, когда мы только приехали в школу после каникул, нам объявили, что в этом году в Андервуде будет действовать программа по обмену студентами с шельгарской магической школой «Белый ворон», но попадут в программу не все, а только те студенты, у кого средний балл выше семи с половиной.

Я тоже подавала документы на участие, и мне отказали. При том, что средний балл у меня стабильно держится между восемью и девятью!

Феррерсу, впрочем, тоже отказали – судя по тому, что обмен уже начался, а аристократ тут.

Но до Феррерса мне дела нет, хотя отказали ему поделом, а вот за себя – обидно. Я по своему году если не первая, то одна из первых. У меня только официально признанных и запатентованных индивидуальных разработок две, а сколько тех, которые я не регистрировала и не оформляла на них официального

признания, я не считала.

И меня – в Шельгар не пустить?!

Да я! Да я…

Я ни за что не наскребу денег, чтобы съездить туда просто так, а у мамы подобных средств и подавно нет, все уходит на мое образование. На учебные принадлежности, форму, «чтобы не хуже, чем у прочих», на приличную одежду и обувь. Это только кажется, что полный пансион избавляет родителей от расходов совсем и полностью, а на самом деле – девице семнадцати лет от роду даже на полном пансионе очень много надо…

И мне ужасно хотелось увидеть Шельгар. Любую заграницу. Я, в свои семнадцать лет, кроме родного Сент-Даумана нигде не была…

Когда мне вежливо, но непреклонно отказали, я с особой отчетливостью поняла, что кроме меня самой обо мне и моем будущем позаботиться некому.

Подумала, чем бы я хотела заниматься всю жизнь, и развила бурную деятельность. Полтора месяца активной переписки, школьные табеля, сплошь пестрящие девятками и десятками, метрика от целителей о состоянии здоровья, характеристика от куратора, от декана, с места проживания, с матушкиной работы…

Определившись с целью, я обрела мощь стенобитного тарана. Декан и куратор только за головы схватились, узнав, куда я навострила стопы. Куратор причитал, что я зарываю таран в землю, что сама гроблю свою жизнь, что решение об отказе в допуске к программе по обмену не имел отношения ко мне непосредственно, и что мелочная месть – не причина уничтожить свое будущее…

Я была непреклонна. В конце концов, к мести мое решение отношения не имело.

Ну… почти!

И вот теперь по итогам моей активности и двухнедельного визита в Шектарский заповедник для собеседований и полевой стажировки, у меня имелось приглашение на летнюю практику с целью последующего трудоустройства туда на постоянной основе и получения профильного образования по их рекомендации.

Что бы там не стонал куратор, а университет Трувард – это престижно, и зверомагия нравилась мне всегда.

В холле на первом этаже было шумно. Людно. Я бы обошла толчею по широкому кругу, но успела заметить возле доски с объявлениями макушку Феррерса. Тощий, высокий, белобрысый он выделялся в толпе однокурсников и незнакомых ребят из Белого ворона, одинаково отличающийся и от тех, и от других. Надменное, породистое лицо, безупречно сидящая форма, наверняка, шитая на заказ… Истинный аристократ.

На доске объявлений был вывешен список оценок за практическую работу, совместную для нас и для гостей. Шестому курсу ее тоже давали, но я, из-за двухнедельного отсутствия, ее пропустила – а Феррерс писал.

И теперь его имя не возглавляло список, как часто бывало, а болталось где-то в конце первого десятка.

– Что, Феррерс, наконец-то ты понял, что раньше тебе высшие оценки ставили из уважения к твоим достойным предкам? Они же ничем не виноваты, что ты такой убогонький… – сладко пропела я, пользуясь тем, что он и не заметил в сутолоке, кто именно стоит возле его локтя.

Сочувственно улыбнулась прямо в светлые, заполненные яростью глаза и показала спину старому врагу, прогулочным шагом покинув холл до того, как ему удалось придумать что-то настолько же едкое, и пока его приятели не сообразили преградить мне путь.

Из холла – на улицу, с по ступеням вниз, главной аллее до старого тиса, от него по неприметной тропинке, быстрее и быстрее, ускоряя шаг, путая следы, отводя окружающим глаза, все глубже и глубже укрываясь в парке – и все глубже и глубже «зарываясь в грунт», маскируясь под естественные потоки сил, укрываясь за переплетением и наслоением магических аур этого места.

Наставники и ученики, деревья, животные, артефакты, охранные и сторожевые заклинания, магические службы школы…

В этом так легко затеряться, если знать – как. Я знала.

К пруду, укрытому плакучими ивами я спустилась с пригорка почти бегом, отпустила хвост заклинания-путаницы и за миг, что понадобился ему, чтобы расправиться, успела юркнуть под сень деревьев.

Все, пока я не выйду из очерченного кроной контура – меня не найти.

Здесь стояла другая защита. Старая, надежная. Тоже моя – я плела несколько лет день за днем, надеясь, что когда-нибудь она сумеет укрыть меня от злейшего врага. Плела, вкладывая все появляющиеся навыки, все силы, всю жажду достигнуть цели. И защита вышла, что надо. У старого пруда, под сенью плакучих ив вышел настоящий схрон. Можно в шаге мимо пройти с поисковым заклинанием, и не заподозрить, что искомое – рядом, руку протяни.

Здесь меня не мог найти никто – ни приятели, ни наставники, включая хорошо знавшего и превосходящего меня по силе куратора… Кроме, по иронии судьбы, Феррерса.

Я билась над этой задачей несколько лет, немало экспериментов провела, изощряясь для проверок всеми доступными мне способами – и наконец, убедилась, что он меня будто чует. Где бы я не находилась – аристократ безошибочно определял мое местоположение, не тратя времени на поиски и метания, а шел, как по ниточке, словно по компасу.

Тогда я сдалась, и попытки обмануть чутье высшего мага оставила, а само убежище забросила.

В этом же году нужда в нем возникла опять – с внезапной стороны.

Где-то к четвертому году обучения я поняла, что Феррерсу нужны эмоции. Ему необходим эмоциональный отклик. Тогда я решила, что если я научусь держать себя в руках, не срываться на псих, то, не получая желаемого, он отстанет.

К концу пятого курса я научилась удерживать эмоциональный баланс, перестала остро реагировать на всякую подначку со стороны будущего лорда, да и в целом, начала с юмором относиться к тому, что происходит между мной и Феррерсом. Эмоциональная подпитка прекратилась. Я была уверена, что на шестом курсе я не позволю снова втянуть себя в старую вражду, и все станет легко и просто.

Святая наивность!

Перестав получать от меня отклик, Феррерс нашел способ добиться своего другим способом.

В животе сладко екнуло, когда я вспомнила способ. Я прикрыла глаза, пытаясь определить, где аристократа носит, и как скоро он будет здесь. А в том, что будет, я не сомневалась. Прислушалась – и упустила момент, когда, разведя свисающие ивовые ветви, под дерево скользнул Феррерс.

Опс! Далеко глядела – надо было ближе. Я не открыла глаз, делая вид, что в упор не замечаю его присутствия, и прекрасно зная, что это его еще больше бесит, и так же прекрасно зная, чем это закончится.

В конце концов, я тоже была лишена сладкого две недели, а сегодня еще можно!

Не знаю, что там наставники практиковали с нашими аристократами на совместных занятиях с гостями, но я могла уже не напрягаться, подбешивая Феррерса до нужной кондиции. Он и так был в должной степени озверения. Так что я могла расслабиться и покурить – интим мне был обеспечен без дополнительных ухищрений с моей стороны. А стычка в холле лишь задала Феррерсу правильное направление.

Сегодняшнее меню предложило мне яростный быстрый секс – без подготовки, почти без предварительных ласк, стоячком у шершавого древесного ствола, фактически, «где поймал», не успев даже раздеться. И, как ни странно, мне понравилось – мне пока что вообще все нравилось, что бы ни предложила моему вниманию больная фантазия Феррерса. А понимание, что это из-за меня ему отказывает хваленый самоконтроль, только усиливало пойманное наслаждение – и это чувство полностью компенсировало ноющие мышцы, на которые

негаданно обрушился бешеный напор и все неровности ивовой коры, прочувствованные спиной.

Я бы сказала об этом Феррерсу, с который с тревогой вглядывался в мое лицо, выискивая признаки боли или протеста, но не скажу, сам пусть соображает.

И вообще, как будто это не я только что неистово насаживалась на его член, стараясь сжаться, притереться к нему как можно плотнее, прочувствовать каждое движение твердой плоти в себе…

Убедившись, что я не спешу в ужасе падать в обморок (с ним только упади, неизвестно еще, что сделает, извращенец!), да и в слезы не ударилась, Феррерс уткнулся потным лбом в ствол над моим плечом. Ладони по-хозяйски лежали на моих ягодицах, поглаживая, сжимая.

Я гладила его плечи, через школьную форму ощущая острые лопатки, неровности позвоночника, даже выступающие ребра, и чувствовала, как внутри меня снова нарастает возбуждение, отзываясь на терпкий запах Феррерса, на ощущение близости его тела, худого, жилистого, так похожего и непохожего на мое собственное.

Я прихватила губами мочку уха, так кстати оказавшегося перед носом. Лизнула, пососала. Приподнялась на цыпочки, и чувствительно куснула заманчиво маячащий хрящик. Просто так, чтоб знал!

Не дожидаясь неминуемой кары, сбежала губами до шеи, проложив дорожку поцелуев, укусов и узоров-завитков, выведенных влажным язычком по горячей коже. Сжала его ягодицы, чуть-чуть, самую малость царапнув ногтями, и с наслаждением ощутила его хриплый вздох. Впитала его в себя, прижавшись грудью, животом, представляя, как непристойно мы сейчас выглядим – самозабвенно тискающиеся, он со спущенными штанами, я со смятой юбкой, и трусиками, болтающимися на где-то в районе правой щиколотки. От этой картинки остатки самоограничений улетучились в неизвестном направлении, и я с полустоном-полувсхлипом стекла по нему вниз, опустившись на колени, и, удержав дернувшегося было парня, принялась исступлённо целовать его живот, твердый, плоский, скользя губами все ниже, к той части тела Феррерса, с которой я была столь тесно знакома, и которой до сих пор еще толком не видела.

Одновременно пьянея от вседозволенности и робея, я легко коснулась его члена губами. Даже не поцеловала, а так, потерлась. Феррерс наверху судорожно сглотнул. Кожа оказалась нежной, бархатистой, а под ней ощущалась скользкая твердость, и вспомнив, каково это, чувствовать его движения внутри, я всхлипнула от сладкого, предвкушающего спазма. Осторожно провела пальцем по всему стволу под выдох-стон Феррерса, одновременно желая утолить свое жгучее любопытство, и опасаясь сделать ему больно или неприятно. Аккуратно лизнула там, где только что касалась пальцем, и мышцы его живота вздрогнули, и он подался всем телом вперед и вверх, вслед ускользающему прикосновению.

Что ж, ему наверняка не больно и определенно приятно, приняла я к сведению, и уже смелее провела языком по всему стволу от головки до основания. И еще раз, и снова, и опять – языком, губами, кончиками пальцев, с первобытным ликованием ощущая, как наливается, снова твердеет поначалу полуопавшая мужская плоть. Обхватила член ладонью у основания, снова ощутив его восхитительную нежность и твердость. Легонько сжала, провела по всей длине, снова сжала. Феррерс дышал хрипло, с надрывом. Мое сердце грохотало, словно пыталось вырваться из груди, а между ног сладко, зовуще пульсировало. Облизав пересохшие губы, я решилась, и коснулась губами головки. Поцеловала, провела языком, слизнув перламутровую каплю смазки. Сжала головку губами, и еще раз провела ладонью от корня до вершины и обратно, чувствуя, непроизвольные толчки Феррерса и подаваясь ртом им навстречу.

Нет, не ртом, всем телом – стоя на коленях, ловя его движения, неконтролируемо приподнимая бедра в его ритме.

Нестерпимо хотелось куснуть твердую плоть зубами, но опасение навредить, все испортить останавливало, и когда искушение стало почти нестерпимым, я от греха подальше выпрямилась, прижимаясь к застывшему, часто дышащему парню, чувствуя, как тычется в бедро горячий влажный член и шалея от безнаказанности, почти ничего не соображая выдохнула ему в ухо:

– Пожалуйста, пожалуйста, благородный господин, я не хотела, я просто хотела убрать там, внизу, и разбудила чудовище! Спасите меня, лорд!

Мольбы мои на него так подействовали, или то, что я прижалась бедрами еще теснее, показывая, где именно внизу я убирала, но в следующий миг неведомая сила вжала меня в ствол, и Феррерс, рывком раздвинув мне ноги, одним ударом вошел до упора. В глазах у меня потемнело, я закусила губу, чтобы не заорать

на всю школу от этого удовольствия, забывая кто я, где я, и полностью сосредоточилась на этих упоительных толчках и ударах. И мне было наплевать на все – и на улетевший неизвестно куда пиджак, и на трещащую по швам, брызнувшую пуговицами блузку, которую одуревший от желания Феррерс обдирал с меня забыв расстегнуть, в попытках добраться до груди…

Наслаждение накатывало приливной волной, нарастая в такт движениям во мне, и вздымало меня все выше, выше, пока не занесло на самый пик, и оттуда, замерев на миг, я провалилась в пропасть, и с невыносимой скоростью понеслась вниз, где в черной пустоте ждали меня ответы на все вопросы – или верная погибель. И я ударилась о каменную твердь, и рассыпалась на миллион «я», и перестала быть.

Все же, одно из основных удовольствий моей жизни – доводить Феррерса до такого состояния, когда весь его хваленый, годами вколачиваемый самоконтроль улетает в топку, и остается чистая, неуправляемая мощь и звериные свирепые инстинкты.

Потому что, во-первых, в повседневности он обычно хладнокровный, как мороженая рыба, а во-вторых, это просто чистый, незамутненный кайф!

* * *

В школу я возвращалась сытая и расслабленная, чувствуя во всем теле довольство и томную негу.

Ну, что тут скажешь? Хорош, паскудник!

Мои приятельницы любили перемыть косточки своим парням, часто и со вкусом полушепотом обсуждая подробности личной жизни, и нередко жаловались друг другу на невнимательных приятелей. На то, что парни – бесчувственные бревна, и им лишь бы свое удовольствие получить, а партнерше не думают. На «сунул, вынул и бежать» тоже жаловались.

Я только изумлялась. У меня подобного не было. Черт, да с Феррерсом даже «сунул, вынул и бежать» вышло фантастически – как показала сегодняшняя практика. И дело вовсе не в том, что после мы заложили курс на следующий

заход, и я добралась. Мне и на первом круге захорошело. Дело в том, что он просто чувствовал партнершу, как другие чувствуют гармонию, как я чувствую рабочие заклинания. Дело в том, что ему было не все равно.

Или в том, что в аристократических домах, поговаривают, существует традиция – выводить вошедшее в возраст чадушко в соответствующее заведение, к профессионалкам, набираться опыта.

Прочие же страдания… Что кому не так сказали, кто на кого не так посмотрел, кому и как внимания не доуделили… Я предпочитала отмалчиваться, твердо веруя, что стоит мне только раскрыть рот, сказать словечко хоть одной – и все, через час вся школа, включая канареек в кабинете миссис Блау, будет в курсе подробностей моей личной жизни. Но слушать – слушала. Проклятое любопытство так просто не обуздаешь.

Проблемы подружек меня часто изумляли.

Какой запутанный ужас, эти ваши отношения!

Слава богу, у меня есть моя старая добрая вражда…

Извлекать выгоду из этой самой вражды с представителем старого магического рода я научилась давно, и без зазрения совести использовала его и его приятелей в качестве подопытных мышей, проверяя на них свои выкладки, а потом – и испытывая разработки.

Продолжалось это довольно долго, до одного случая.

В тот раз меня зажали в парке, на тропинке от озера к зданию школы. С гадкими ухмылками отрезали пути к отступлению, и я со сноровкой, выработанной за регулярными тренировками, мгновенно раскрыла щит очередной улучшенной модификации. Прошлый эти сволочи раздолбали за три с половиной минуты.

– Привет, котеночек! – начал светскую беседу Кристиан Грай, один из приятелей Феррерса, нависая надо мной массивной глыбой.

– Привет, жирный мудак, – любезно отозвалась я.

Приврала, вообще-то. Грай не толстый, а скорее плотный – но чего не скажешь для поддержания разговора? Они так долго распинаться и запугивать могут, а мне надо бы, чтобы скорее к делу перешли.

К делу перешли почти сразу. Даже не знаю, что его больше взъярило – «мудак» или «жирный», но на меня он бросился с налитыми кровью глазами, наткнулся на щит, с ходу врезал по нему «клином», потом «молотом Тора», потом…

М-да. Сильный магический род – это вам не девчонка из городского предместья. Арсенал у Грая был внушительный, и пользовался он им умело. Половину заклинаний, которые он использовал, я не знала – в школе такому не учили.

Я вцепилась в чары всеми конечностями, включая фибры души, уперлась ногами в землю, укрепилась, и собралась стоять намертво – продержаться надо было всего-то минут семь, потом прозвенит звонок, и им волей – неволей придется оставить меня в покое, наставники в Андервуде суровые, и поблажек не делают никому.

У меня начали затекать руки – ставить щитовые чары без активирующих жестов, а тем паче – на ходу, я еще не умела, и теперь каждый удар отдавался в мышцах. Под жеребачье ржание приятелей, Кристиан долбил в мою защиту заклинаниями, как стенобитным тараном, щит дрожал и вибрировал, но держался.

Держать щит, как известно, всегда проще, чем ломать, и, по моим прогнозам, у меня были неплохие шансы на успех – если бы не вмешались два других урода.

Но они вмешались, и стало еще страшней – сидеть под вскрываемым щитом и так удовольствие ниже среднего, а если ты еще и видишь, как неотвратимо истончается твоя защита, снижается мейцерова напряженность поля, и жить щиту осталось от силы три – три с половиной минуты, а надо еще минимум пять, а у Грая рожа перекошена жаждой крови – моей, между прочим, крови, – и у дух других на лицах ничего человеческого, один только яростный азарт травли…

Если задумка не выгорит – мне конец.

Когда личинки аристократов перестали ломиться ко мне домик каждый сам по себе, а взялись за дело коллективно, организованной группой, мне натурально

подурнело. На острие встал кровно заинтересованный Грай, с боем вырвав это почетное место у Феррерса, и теперь монотонно вколачивал в мои чары простой и надежный «сокол», а Феррерс и Ароу изобразили из себя заклинательную пару Алкори-Престона, в массах более известную, как «тандем «тиски». Силищи в аристократах было немерено.

Я начала паниковать.

Напряженность поля падала в геометрической прогрессии, уроды долбили в защиту все уверенней и уверенней, руки затеки и напрочь утратили чувствительность, ягодицы мучительно сжались в предчувствии неприятностей. Щит утратил стабильность и перешел мерцающую фазу, мигнул раз, другой, и лопнул, отдачей болезненно уронив меня на пятую точку. Ошметки его структуры развернулись в энергетические плети, а сила, частично заложенная при создании, частично собранная от атаки, перешла в ударную волну, распространяясь, как ей и положено, кольцом…

Я смотрела на разбросанных по кустам семикурсников круглыми от ужаса глазами.

Господи, спасибо тебе, спасибо! Спасибо, что надоумил убавить заложенные значения в половину от задуманных! Спасибо, что отвел мою руку от первоначальной идеи с лезвиями! Спасибо тебе, Господи!

Феррерс медленно поднялся из садовых зарослей, ладонью вытирая разбитый нос и глядя на меня в упор непонятным взглядом. Грай, принявший на себя основной удар, стоял на четвереньках и тряс головой – похоже, его слегка контузило, а то и приложило о ближайший платан. Ароу сидя, тоже тряс головой, склонив ее на бок – как будто пытался вытряхнуть из уха попавшую туда воду.

Глядя в глаза нетвердо стоящего на ногах Феррерса, я сама поднялась на ноги. Отряхнула ладони. Обвела их всех надменным взглядом, и неторопливо прошествовала к повороту освободившийся тропы, от души надеясь, что им не видно, как дрожат у меня ноги.

И как только густые заросли платанов и живых изгородей скрыли меня от цвета современной аристократии, припустила бежать со всех ног, врубив спурт.

Одновременно с началом расчетов теоретической части щита со вшитой ловушкой, я плотно занялась бегом на средние дистанции, и вот уже более трех месяцев исправно тренировалась каждый день. До сих пор считаю это своим наиболее гениальным решением.

С тех пор подобных выкладок я на однокашниках больше не испытывала, даже на таких противных, и перешла на более безопасные эксперименты.

На ком, по-вашему, я тестировала отвод глаз, когда оказалось, что на Феррерсе он не работает? А когда поняла, что маскировка действующая, просто Ферррерс ее как-то обходит, то нацепила маркер на Феррерса, и начала проверять, как быстро он меня на ходит при различных исходных условиях. Предварительно, конечно, попытавшись вычислить метод, которым он это делает, и не преуспев. Маячков на мне не было, или были они существенно выше нашего школьного уровня знаний, и мне не по зубам…

Кстати, больше двадцати минут для того, чтобы меня обнаружить, ему ни разу не понадобилось.

И примерно тогда же экспериментальным путем я установила, что прятаться от взбешенного Феррерса нужно не в укромных уголках, а в наиболее людных местах – найти все равно и там, и там найдет, но при свидетелях хоть убить не посмеет!

Глава 3

У гостей из Шельгара оказалось расписание, составленное довольно причудливым образом, и с нашими группами они пересекались непредсказуемо. Первым занятием, на котором мне довелось заниматься вместе обменниками, оказалась теория магии.

Теорию магии у нас вел мистер Роджер Вилсон. Я его откровенно любила – во-первых, он был моим тьютором с первого курса, а во-вторых, в своей сфере и во многих смежных, он был очень грамотным специалистом. Да и просто – хорошим человеком.

– Запишите тему лекции, – велел куратор, после того как поздоровался и посадил класс. – Инициация стихийного мага.

В общем и целом, с понятием инициации мы были знакомы еще с первого курса. Но именно что в общем. И целом. А сейчас этому вопросу пришла пора уделить внимание всерьез – каждый из нас, магов, подходил к моменту, когда инициация придвигалась вплотную. Можно сказать – маячила перед носом.

– Инициация – это переход индивида из одного состояния в другое. Магическая инициация представляет собой обряд, ориентирующий силы мага по выбранному направлению, исходя из возможностей, естественных склонностей и предпочтений мага, и облегчающий манипуляции в родной стихии и выбранной специализации Энергетически, инициация стихийного мага – это единовременное, одноразовое высвобождение большого объема энергии, ограниченной ритуалом, которая проходит через энергетическую структуру мага и калибрует ее, расширяя энергоканалы и закрепляя их в соответствии с выбранной стихией и специализацией, прописанной в обряде.

Мистер Вилсон прошелся вдоль доски, окинул нас всех серьезным взглядом и продолжил:

– Структурирующей основой обряда традиционно служит египетская звезда, чертеж номер 189 в ваших учебниках, обратите внимание на двойной наружный контур – внешний обеспечивает безопасность обряда, внутренний служит для стабилизации потока. Формирующая часть обряда обеспечивается рунной составляющей. Запишите формулу, для стихийных магов она имеет общую основу и различается по последней трети.

Мы послушно скрипели ручками, выводя цепочку рун, диктуемую профессором.

– Давайте подробнее рассмотрим условия, которые формируют наш выбор при вхождении в обряд. Возможности. Подчеркните! Это ваши врожденные данные. Стихийная принадлежность, уровень магического потенциала и прочие природные таланты. К примеру, мага, предрасположенного к воздуху, можно инициировать по огненной стихии, но это нерационально, на выходе получим потерю в мощности и потенциале. Если ваш магический потенциал ниже среднего уровня, а вы желаете заниматься пространственной магией, то пройти обряд вы можете. Но сил вам это не добавит.

По группе склонившихся над конспектами студентов прошел смешок. Уж это-то нам было понятно. Как и читаемый в словах намек – не гонитесь, ребятки, за престижными направлениями. Лучше быть хорошим целителем, чем паршивым пространственным магом!

– Склонности. Подчеркните! Это то, к чему вы выказали предпочтение за годы обучения магии. Кто-то тяготеет к целительской стезе, кто-то виртуозно управляется с боевыми заклинаниями. Один имеет склонность к зверомагии, у другой талант к защитным чарам.

Я склонилась над партой пониже – эти явно было камушком в мой огород. Мой личный тьютор, считая, что у меня явный дар к защитной магии, не оставлял надежд уговорить меня выбрать ее специализацией.

Вот только я твердо решила, что буду продолжать образование как зверомаг – и в Шектарском заповеднике виверн и иных горных гадов для меня готово местечко, а после двух лет работы без нареканий они дают направление в университет Трувард. А защитные чары – это военка, аристократы, гособязательства…

Обязательства перед государством имели все маги, связавшие судьбу с определенными сферами магии, все маги, имеющие потенциал выше уровня-премиум и все маги-аристократы без исключений.

Эти от рождения обладали потенциалом от «премиум» и выше, по этому поводу задирали нос, жутко зазнавались, блюли чистоту крови и с простолюдинами, не способными пересказать свою родословную на десять поколений назад и не имеющие предками исключительно магов, не роднились. Ну и вообще, были здорово отморожены на голову на почве происхождения, долга, прав и обязанностей, и всего такого-прочего. Абстрактного. На все старшие курсы Андервуда можно было навскидку насчитать человек сорок учеников из числа магической знати, и по большей части они отличались сдержанностью, даже холодностью в общении с окружающими, прекрасными манерами и редким занудством. Феррерс, правда, входил в исключение – на мое, блин, счастье!

Ну и в дополнение ко всему, в военном ведомстве, куда мне была бы прямая дорога, поддайся я уговорам куратора, аристократов было пруд пруди. А они мне и в Андервуде по самое «не хочу» надоели!

– Включение в обряд специализации не является обязательным, вырвал меня из размышлений голос профессора, – Но, как уже упоминалось, это облегчает работу в выбранной сфере. В то же время, подобный шаг хоть и не исключает деятельности в иных областях магии, кроме избранной, но усложняет ее. Поэтому выбор специализации должен осуществляться взвешенно, трезво и обдуманно! Существует более ста пятидесяти формул для магических специальностей из общего списка, и еще почти столько же из закрытого перечня. Мы с вами подробно рассмотрим наиболее распространенные. Кстати, пометьте себе где-нибудь, что для целителей и некромантов формула общая, отклонение в одну переменную.

И снова по классу прошелестел смешок…

– Предпочтения. Подчеркните, – вернул нас к теме лекции куратор, – Предпочтения – это ваш осознанный выбор. То, чего вы хотите от жизни. Имея талант к зельеварению, вы вполне можете не иметь желания заниматься им всю жизнь. На примерах разберете сами.

– Отдельно хочу заметить, – выделил голосом куратор, – Что магическая инициация высвобождает действительно значительные объемы энергии, и чем выше изначальный потенциал инициируемого мага, тем существеннее проходящая через него в момент обряда мощь. Организм, не привыкший к манипуляциям такими потоками, без ограничителей и направляющих в виде гексаграммы и соответствующих рунических наборов, не способен перенести таких нагрузок. Ваша энергоструктура просто не предназначена для подобных мощностей, а наша бедная школа – для подобных потрясений. Именно поэтому инициация проводится под контролем опытного куратора, при поддержке волшебников, чей потенциал в обязательном порядке превышает потенциал проходящего обряд мага в два три раза. Именно для того, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств, совокупными усилиями суметь предотвратить катастрофу. С этим закончили, дальше.

Наше счастье, подумала я, что уровень силы у магов-подростков невелик по отношению со взрослыми магами, и для школьников всегда можно найти волшебников, которые будут достаточно сильными, чтобы проконтролировать ритуал. А то сидели бы самые сильные уникумы неинициированными!

Я вздохнула, записывая лекцию за куратором, и одновременно прикидывая, как бы проскочить в столовую и не натолкнуться там на Феррерса и компанию. По крайней мере, пока они не остынут. После вчерашней стычки они почему-то решили, что это я шепнула первой школьной красавице про Феррерса, что он давно спит со Стеном Ароу…

Ну, сказала-то может и я. Но что ж теперь, не есть?

* * *

Прийти в столовую раньше всех, не жуя проглотить, что успею схватить и сбежать под прикрытие очередной классной комнаты мне не удалось – на выходе из кабинета мистера Вилсона меня перехватил Итан Браун из числа шельгарцев. Я пару раз видела его в коридорах, один раз – в холле, во время стычки с Феррерсом у расписания, но знала о нем предостаточно. И даже несколько больше, чем могла бы ожидать сама.

Симпатичный, с приятной улыбкой и темными кудрями, Итан Браун прочно поселился в девичьих грезах студенток Андервуда и в их беседах.

Но если бы меня спросили, что я почувствовала, когда Итан Браун взял меня за плечо, я бы точно знала, что сказать – изумление.

Огромное изумление.

За пять лет в Андервуде, я успела привыкнуть, что ко мне не лезут. Вокруг меня зона, которую никто не нарушает – некоторые из опасения вызвать на себя недовольство лорденыша нашего всемогущего Феррерса, другие из подхалимажа, а третьим было просто не интересно.

В любом случае, это меня устраивало.

Никто не трогает меня руками.

Шельгарец, к сожалению, ничего об этом не знал.

Чужие пальцы на рукаве форменного пиджака смотрелись противоестественно – во-первых, это были категорически не те пальцы, во-вторых – вообще нечего меня руками хватать.

На лицах студентов, обтекавших нас с обеих сторон, было написано столь же всеобъемлющее удивление, и сомнение в здравомыслии парня. В кои веки, я была согласна с общественным мнением.

Идиот какой-то!

Я посмотрела так выразительно, что Итан опомнился и руку убрал. Но по-прежнему ждал ответа свой вопрос с дурацкой дружелюбной улыбкой.

Я напомнила себе, что это нормально, когда люди улыбаются, а не топят собеседника в ведре со льдом. И вообще, терпимее надо быть.

– Прости, я не услышала. Что ты спросил?

– Не хочешь погулять вечером вдвоем? Покажешь мне вашу школу, парк, – разливался соловьем Браун.

Тогда я кое-как отказалась, не желая связываться с приехавшим на две недели гостем, и вместо обеда ушла к себе, читать выданные куратором книги по теории взаимодействия сил и пересчитывать одну интересную разработку, в которой я с упоением ковырялась уже не первый месяц. И до самого вечера мне благополучно удавалось избегать нежелательных встреч, что сказалось на моей бдительности плачевно. Я расслабилась и решила, что гроза миновала.

А возвращаясь с ужина, натолкнулась на Феррерса, и он был чертовски зол. Злее обычного.

Втолкнув меня в одну из небольших, затемненных демонстрационных аудиторий, в которых обычно вели опыты и лабораторные, не терпящие яркого освещения, он смотрел на меня и ничего не говорил.

Я присела на первую в ряду парту и уставилась на него в ответ.

Вообще, это было странновато. Как правило, если уж Феррерс не говорил мне гадостей, то только потому, что был слишком занят, задирая мне юбку. А чтобы он одновременно и молчал, и не заваливал меня на спину – это как-то совсем уж… противоестественно!

Это что, его из-за дурацкой сплетни так разбирает?

– Встать! – каркнул он, и голос был непривычно хриплым и скрипучим.

Я покладисто встала, с любопытством рассматривая лорденыша. Можно было бы послать его лесом, можно было и вообще сделать вид, что его здесь нет – только это правила игры для дневного, общеизвестного пласта отношений. Когда вокруг светло и люди, и встреча с Феррерсом автоматически означает склоку. А сейчас – вечер, и темный пустой класс, и в теперешней игре совсем другие правила.

Наши извращенные отношения развивались по строгой схеме. В них, как ни странно, всеобщий любимчик и баловень Феррерс представлял заинтересованную сторону. Именно от него всегда исходила инициатива. А ничем не примечательная заучка Кейт Сеймур просто позволяла оголодавшему аристократу брать то, что ему хочется и между делом благосклонно принимала ласки, но сама будто и вовсе не была заинтересована в происходящем.

Это было удобно для моего эго и самолюбия. Особенно потому, что если мне хотелось секса, то подбить Феррерса на инициативу ничего не стоило – достаточно было как бы случайно встретить его в людном месте, сказать пару гадостей, и удалиться, прежде чем он сумеет ударить ответно. Все, дальше можно было просто выбрать место, где не будет случайных свидетелей, и ждать – максимум, через двадцать минут, злющий аристократ являлся, чтобы поставить на место обнаглевшую стерву, и обходился уже без разговоров.

А сейчас… Странный он какой-то. Молчит. Щурится. Губы зло кривятся. Сжимаются аристократически длинные пальцы. Отлично, я поняла, ты вне себя. Но…

Где мой секс?!

– Раздевайся, – голос хриплый, и слово опять больше похоже на карканье, чем на приказ.

По спине пробежала волна мурашек. Внутри что-то трепетно сжалось на краткий миг – и разлилось предвкушающей патокой. Я нерешительно подняла руки. Коснулась пуговиц пиджака, помогая им выскользнуть из петель. Стянула грубую ткань с плеч, вынимая руки из рукавов. Пиджак лег на соседнюю парту.

Феррерс прожигал меня взглядом. Горящие глаза, резкие птичьи черты, узкие губы плотно сжаты.

– Дальше, – и приказ, прозвучавший в низком голосе, пустил новую волну мурашек, стекшую куда-то между бедер.

Я сглотнула и потянулась к галстуку, чувствуя, как во мне зарождается нервная дрожь, и сердце бьется часто-часто.

– Нет, – остановил меня вкрадчиво-ласковый голос, когда я потянула прохладный атлас школьного галстука. – Сначала трусы.

Сердце трепыхнулось птицей, мой взгляд метнулся к лицу Феррерса и опал. Прикусив пересохшую нижнюю губу, я подчинилась. Медленно стягивая белье, ощущая мужской прожигающий взгляд и собственные прикосновения, ощущая, как скользит по ногам нежное кружево, я чувствовала, что теряю связь с реальностью. Что она отдаляется, тает, пожранная головокружительными ощущениями и жаром, разливающимся по моим жилам.

Трусики упали сверху на пиджак, и я замерла, опустив глаза в пол и кусая губы.

Прохладное прикосновение воздуха под юбкой напоминало, что я сейчас сделала.

– Расстегни блузку, – скомандовал Феррерс, пожирающий взглядом каждое мое движение.

И я послушно подняла руки.

Мне никогда раньше не приходилось раздеваться перед мужчиной – вот так, под откровенным, словно-бы-облизывающим взглядом. Мне никогда раньше и в голову не приходило, насколько это может быть будоражаще. Сладко. Возбуждающе.

Длинный ряд пуговиц привычно поддался нервно подрагивающим пальцам. Пуговицы на манжетах выскочили из петель после слабого сопротивления. Я опустила руки, замерла в неподвижности, чувствуя, как расходятся полы форменной рубашки, открывая взгляду голый живот и кружево бюстгальтера.

– Расстегни.

Я без пояснений поняла, что он имеет ввиду, и завела руки под рубашку за спину, высвобождая крючки застежки. Привычное и оттого почти не замечаемое давление на ребра ослабло, и в горле пересохло, когда я увидела взгляд, который впился в мою грудь, и руки сами поднялись прикрыться. Яростный взгляд Феррерса, легкое колебание магии – застежки бретелек отскочили сами собой, и подчиняясь требовательному «Снимай!» я сама потянула с себя белье, бросая его на горку одежды, оставляя себя без защиты перед голодным, жадным, раскаленным взглядом, в котором ревели все черти преисподней, все демоны мира. И дыхание перехватило, и пульс сбился, а потом зачастил, как сумасшедший. И огонь, который жил в этом взгляде, принялся пожирать уже и меня, и не было никакой возможности остановить эту лаву, что текла по жилам вместо крови. И невозможно было ни прекратить это, ни продолжить, и можно лишь только замереть и ждать, ждать его приказа, его взгляда, его слова!

Господи, за что мне это? Феррерс сумасшедший, он так живет. А я нормальная, я не выдержу!

И редкий проблеск никому ненужного здравомыслия истаял, испепеленный всего одним словом, которое роняет тот самый, такой необходимый сейчас голос:

– Юбку.

И юбка упала на пол, и я переступила ее, не поднимая взгляд на аристократа, мечтая и одновременно не смея его увидеть, желая и не желая представить, какой он видит меня.

Бесстыдную. Бесстыдно раздетую.

Для его глаз. Для его рук. Для него.

Из одежды на мне – рубашка. Галстук. Гольфы.

Я судорожно сглотнула.

Хриплое дыхание, сбитое, рваное – его и мое.

Возбуждение, разлитое в крови, по коже, в воздухе.

Голод. Потребность. Зависимость.

Дайте мне его сейчас, немедленно, скорее!

Дыхание застряло в груди. Осело в легких клекотом.

Феррерс сделал шаг и приблизился ко мне почти вплотную. Весь мой мир, вся вселенная была сосредоточена сейчас в этом взгляде, что тек по моей обнаженной коже огненной рекой. В дыхании, что касалось моей кожи, заставляя изнемогать, умирать от жажды прикосновения. В запахе, окружающем его ореолом. Я вдохнула этот запах – непередаваемый, неповторимый. И он осел терпкой горчинкой, и свежестью, и пьянящей терпкостью в легких, в горле, на языке. Пропитал меня. И я с трудом сдерживалась, чтобы не прижаться к Феррерсу, не начать тереться об него, изнемогая, хныкая, желая принять на себя этот аромат и оставить его себе…

Его пальцы коснулись скулы, едва ощутимо скользнули по коже. Щека, линия челюсти… Большим пальцем Феррерс невесомо коснулся моих губ. Провел по контуру верхней, погладил нижнюю. По шее, огладив ключицу, правая рука скользнула ниже, подушечки пальцев приласкали кожу, обожженную его взглядом, опустились на грудь, обводя по кругу горошину сжимающегося от этого прикосновения соска. Вторая рука утвердилась на моей пояснице, и от ее властной тяжести по моим внутренностям пробежала судорога, сладкая, горячая, похожая на молнию, ударившую от низа живота к груди, к мозгу. Я дышала рвано, со всхлипами, прогибаясь, подаваясь вперед, навстречу его телу,

его бедрам, и его жар прожигал сквозь ткань брюк, и я снова закусила губу, чтобы не заорать.

А его пальцы оставили сосок и скользнули дальше вниз. По ребрам, по животу, мимо выемки пупка, к венериному холмику. По-хозяйски сжали лобок.

Было чувство, что еще немного, и я грохнусь в обморок. Или вцеплюсь в Феррерса губами, повалю на пол, обдирая ненужное тряпье…

– Раздвинь ноги, – оборвал мои фантазии хриплый приказ.

Я подчинилась ему с нетерпеливой готовностью, и пальцы моего мучителя с бессердечной невесомостью заскользили по недоступным до того складкам. Туда, назад, туда, обратно, едва ощутимо, чуть касаясь. Заставляя выгибаться и ловить движение, пытаясь усилить, продлить контакт…

– Тебе нравится?

И что мне ответить?! «Да, безумно»? Облезет и неровно обрастет! «Нет, не нравится»? Так он же остановится!!!

Вместо ответа я всхлипнула и закусила кулак, не желая отвечать, чувствуя, как он раздвигает чувствительные мягкие губки, ласкает клитор, и снова обводит пальцами складки, и снова легкое, на грани чувствительности касание, и наконец – проникновение. Пальцы Феррерса входили в меня, скользили в жаркой влаге, и я не выдержала, обхватила его за шею, повисла на нем, прижимаясь всем телом, голой грудью ко льну рубашки, животом вдавливаясь в пряжку ремня, и начала двигаться ему навстречу. Я почти плакала – я так хочу, хочу, пожалуйста, Феррерс, пожалуйста!

И он понял, о чем мои всхлипы и беззвучные мольбы, уверенным движением опрокинул меня на парту, и пока я возилась, пытаясь устроиться удобнее, пытаясь приподняться и посмотреть на него, щелкнул пряжкой, одним движением спустил брюки вместе с бельем и навалился на меня своей благословенной, долгожданной тяжестью.

Один удар – и он уже глубоко, так глубоко, так, как надо, и я извиваюсь, трусь и тороплю его, мне так хорошо от того, что он внутри, но надо еще, еще, и Феррерс, торжествующе ухмыльнувшись, придавив мои бедра к парте до полной неподвижности, начинает толчки. Медленные. Тяжелые. Такие-как-надо. Совершенные. Правильные.

Вцепившись ртом в его плечо, чтобы не закричать на весь Андервуд о том, как мне хорошо, я трусь грудью о Феррерса, так и не расстегнувшего рубашку, пытаюсь двигать бедрами ему навстречу, и схожу с ума от полной невозможности этих движений, и кусаю, лижу, целую его плечо как сумасшедшая.

Оргазм накатил приливной волной. В предчувствии я замерла, сжала член Феррерса внутри себя, и наслаждение обрушилось на меня многотонной массой цунами. Я обвила аристократа руками, ногами, вцепилась в волосы на его затылке и ловила восхитительные судороги.

Мама, как хорошо, как это хорошо!

Когда меня отпустило, и я расслабленно обмякла на парте, Феррерс, в терпеливой неподвижности наблюдавший мою кульминацию, в несколько толчков догнал меня за ослепительной чертой. И когда он навалился на меня всем своим немалым весом, я ничуть не возражала.

Я перебирала влажные короткие пряди, гладила широкие плечи. Ловила отголоски сладких спазмов…

Наверное, за эти мгновения я могла бы Феррерсу все простить. Включая то, что он просто феерическая задница.

Глава 4

Эдвард

Раздражение крепло.

Всё, всё шло не так. Сначала мне без всяких уважительных причин отказали в обмене. Мне, ученику первого десятка, сыну Чейза Феррерса, наследнику рода. Потом отец, в ответ на уместную – мать твою, уместную! – просьбу сына принять меры, ответил, что я большой мальчик и должен учиться урегулировать подобные мелочи сам.

Да еще и Сеймур, на которой можно было бы сорвать раздражение, свалила на две недели, никому ни слова не сказав. Никому. Ни слова!

Что, по-вашему, можно подумать в такой ситуации?

Куда вообще понесло эту чертову зацикленную на занятиях стерву? Чем ей припекло так, что она даже на свою обожаемую учебу наплевала?!

Черт, черт, черт!

Сделав над собой усилие, я задавил поток мысленной брани и вернулся вниманием к уроку.

Тренер бодро отдавал команды, студенты разминались на зеленой траве стадиона – совместные спортивные занятие пятых-шестых курсов были делом привычным, только сегодня добавились еще и шельгарцы.

И это было кстати. Очень удачно вышло, я бы сам именно так всё и заказал.

Потому что эти раздражали больше всего, бесили просто. Особенно отдельные особи. Которые какого-то хрена смеют распускать конечности.

Свисток тренера отметил окончание первой, физической части разминки.

Магическая часть разминки куда интересней.

Две команды, четыре снаряда – энергетических сгустка, символизирующих стихии. У каждой команды свои ворота – место на своей половине поля, куда нужно доставить снаряд. Оно называется «ароу». Цель игры – за тридцать минут

собрать как можно больше элементов стихий в свое место силы. В идеале – все. При этом, их надо пропустить через максимально возможное число участников, каждый из которых подпитывал снаряд своей силой, и не позволить перехватить соперникам, которые стремились к тому же.

За один раз снаряд можно подпитать ограниченным объемом силы. Перельешь – сгусток лопнет, угостив игрока разрядом не сильным, но противным и очень бодрящим, а сам вернется к изначальному размеру.

Снаряд можно пасовать, отбирать, вырывать из рук… Но если мячик при этом взорвется – разряд заденет обоих соперников.

Противников можно сбивать с ног, валить, устраивать кучу-малу – но если внутри нее лопнет «мячик»… достанется всем!

Выигрывала та команда, в «место силы» которой участники приносили больший суммарный магический заряд, и называлось всё это бесовство «Сбор силы».

За тридцать минут мы успевали набегаться, натолкаться, и сбросить излишки магической силы и физической энергии.

Вся магия, набранная снарядами за время игры, собиралась в два артефакта, зарытые под воротами, и шла на восстановление и поддержание спортивного поля – потому что после тридцати минут активной магической разминки старших курсов оно обычно выглядело как натуральное поле боя, в подпалинах и дымящихся проплешинах.

Мы, маги, были куда устойчивее – и то после занятий гуськом шли в лазарет, залечивать ушибы и сводить синяки и ссадины.

Люблю разминку!

Тренер привычно поделил нас на команды, стараясь, чтобы они получились примерно равными по силе и потенциалу, и Итан Браун, улыбающийся мудак, как по заказу оказался в моей команде.

Раздражение на время отступило, уступая место расчету и азарту.

Две шеренги магов выстроились друг напротив друга.

Четыре цветных энергетических сгустка поднялись над углами поля.

Голос тренера начал обратный отсчет.

Пятьдесят магов.

Два места цели.

Четыре снаряда.

Одна цель.

И я сегодня класть хотел на идиотскую цель большинства, у меня своя цель, и я размажу кровь по этой самоуверенной харе!

Сердце взяло разгон, и кровь ускорила ток, отсчитывая ритм в висках, разнося по мышцам адреналин, рассылая дрожь нетерпения по шкуре.

– Четыре! Три! Два! Старт!

Свисток вспорол воздух, и я рванул вперед, к голубеющему над краем поля шарику Воздуха и зеленеющему Земли.

Шеренги смешались и разделились, и снаряды сорвались с места, и я с легкостью, удивившей бы меня в другое время, перехватил возникший черт знает откуда водный заряд, и отдав ему максимум силы, который позволяли правила, швырнул его маячившему в гуще свалки Граю, и устремился к следующей цели. Огонь пошел в руки беспрекословно и легко, не смея противиться сегодня, и улетел раздутый моей силой почти вдвое.

Синий сгусток воды уже разорвался разок, угостив болезненным разрядом навалившуюся сверху кучу малу, и теперь вернулся к стартовому размеру.

Я и с ним щедро поделился силой, в одно касание отдав по верхней границе.

Я ждал, пока Браун окажется в пределах досягаемости – и дождался.

Зеленый шар, символизирующий Землю, напился силой и от детского кулачка дорос до хеллоуинской тыквы. Он сыто повис над полем, и Браун бежал к нему, спеша опередить прочих.

То, что надо!

Рывок – и зеленый сгусток прямо надо мной, прыжок – и сила ушла в снаряд, «случайно» перекрыв все допустимые правилами нормы, и над шаром затрещали бледные молнии предупреждающих разрядов. Шаг – и я, отпустив опасно заряженный снаряд «внезапно» «замечаю» спешащего к нему щельгарца.

Дальше все слилось в одно размазанное движение.

Я броском врезался в урода, «спасая» от неприятного столкновения с энергетическим выплеском и с удовлетворением чувствуя, как хрустнули под моим плечом ребра. Повалил его на землю, удачно придавив неловко вывернутую руку и откатился в сторону под вопль боли Брауна и оглушительный рев мистера Блая:

– Все стоп! Феррерс! Какого черта у вас творится!

Отличный вопрос, тренер!

Мне тоже интересно, какого черта, мать его, у нас творится?

И это я про тебя, крысиный выкидыш, чертов угребыш Браун!

– Браун не видел, что снаряд перенасыщен, тренер Блай! Он же из Шельгары, не знал, мог пострадать!

– Ну, слава предкам, ты вовремя вмешался, Феррерс! – ядовито уронил тренер, проводя диагностику распростертого на траве Брауна.

– Можешь вставать, парень. Предварительно – пара ребер, ушиб, лучевая кость… ничего серьезного, погостишь в лазарете до конца дня, и будешь, как

новенький. Считай, достопримечательность осмотришь!

– Спасибо, мистер Блай, – сквозь зубы выдавил урод, когда ему разрешили сперва сесть, а потом и подняться.

– Ну что ты! Не стоит. Можешь вот Эдварда поблагодарить, за заботу. И предоставленные возможности! – хохотнул тренер. – Феррерс, плюс два балла за благородные намерения. И минус шесть – за причинение вреда здоровью товарища.

Да в гробу я видал таких товарищей, хмыкнул я мысленно, старательно удерживая подходящее случаю выражение лица. Штрафные баллы меня тревожили мало, но приличия следовало соблюсти.

Браун, баюкающий поврежденную руку, ответил мне взглядом, в котором читалось пожелание скорой и мучительной смерти.

Уголек раздражения, тлевший где-то в районе солнечного сплетения, почти погас.

– Отправляйся-ка ты в больничное крыло, – миролюбиво поторопил его тренер. – Кто-нибудь, проведите!

И не успел он договорить, как этот урод мгновенно сориентировался в ситуации:

– Кейт, ты не покажешь мне дорогу?

– Давайте, лучше я? – старательно изображая раскаяние и вину, предложил я.

Сеймур же вопросительно взглянула на тренера, согласно кивнула, получив разрешение, и этот недобитыш-мудазвон увел ее со стадиона, благоразумно отказавшись от моих услуг.

– Продолжаем разминку! – зычно скомандовал тренер оставшимся. – Эдвард, а ты иди, побросай снаряд в щит. Остынь!

Раздражение, почти стихшее до того, развернулось во мне пожаром.

Экранированный щит принимал броски энергетическим сгустком равнодушно. Правила здесь простые: сгенерировал слабенький заряд, бросаешь в щит, он отскакивает – ты ловишь, подпитываешь, бросаешь в снаряд, и так до тех пор, пока не почувствуешь, что больший заряд не сможешь контролировать. Тогда начинаешь при каждом броске, наоборот, по чуть-чуть впитывать отданное. Та же самая магическая разминка, только разновидность иная. Этим я и занимался, пока тренер Блай не построил оба курса и не повел сдавать нормативы по бегу.

Сеймур вернулась к середине занятия. С сытым выражением в глазах, расслабленная и довольная.

Какого черта?

Где можно было ходить так долго? От стадиона до больничного крыла пять минут ходьбы!

И что это за довольное выражение лица, мать твою?

Какого черта, Сеймур?!

Если он… если она ему что-то позволила, ему конец.

Я не подбираю объедков за ублюдочным щельгарцем!

К концу занятия я твердо решил, что перехвачу стерву у душевых и просто спрошу.

Никто, мать его, не трогает мое!

Тренер Блай отпустил группу за десять минут до конца занятия. И – как назло! – велел задержаться Сеймур.

Ладно, подождем. Душевые она все равно не минует, рано или поздно придет туда.

Ждать пришлось долго – наши все успели уйти, когда Сеймур только показалась у входа в женский душ. Я втолкнул её внутрь и угрем ввинтился следом, не позволяя захлопнуть дверь и уйти от разговора. Нет уж, Китти-котенок, ты мне все объяснишь!

Но спросить сумел только навязшее на зубах:

– Какого черта?!

Сеймур развернулась разъяренной кошкой и попыталась двинуть меня своим дурацким рюкзаком. Кажется, она собиралась что-то сказать. Мне было плевать.

Потому что в следующую секунду я придавил ее к стенке кабинки, и впился губами в рассерженный рот. Я сжал ее лицо, не давая увернуться, разорвать контакт, мой язык скользнул в глубь ее рта, заставляя девчонку проглотить собственное шипение. Секунд двадцать она яростно трепыхалась, пытаясь отпихнуть меня, пнуть коленом, поцарапать.

Терпение, Китти-котенок, я охотно подставлю твоим коготкам спину, только сниму футболку, хмыкнул я мысленно – и она как будто услышала. Прогнулась, прижимаясь ко мне животом и бедрами, цепкие пальчики впились в волосы на затылке, а горячий рот жадно сжал мой язык, посасывая, лаская…

Твою мать, Сеймур! Чувствуя, что еще немного, и я стащу белье с нее прямо тут, я нащупал дверцу в ближайшую душевую кабинку и втащил туда нас обоих. Оторвался от сумасшедше сладкого тела на секунду, запирая нас на защелку, и успел увидеть краем глаза, как Сеймур в несколько движений ставит маскировочные щиты.

Умненькая девочка!

Обдирая с нее одежду, нетерпеливо прикусывая нежную кожу, прижимая горячую девочку к холодной гладкой стене, я не мог избавиться от мысли – почему? Почему ты позволяешь мне это?

Плевать на Брауна. Я уверен – ни хрена ему не перепало.

Опуская Сеймур на пол, я точно знал – он не касался этого тела. А если бы коснулся, я бы его убил.

Закидывая ее ноги себе на плечи, одним ударом погружаясь в узкую тугую дырочку, начиная и все ускоряя толчки, переставая быть от запредельного блаженства, я все еще хотел знать.

Почему?

Почему ты позволяешь мне это, Сеймур?

Сумасшедшая ведьма. Чокнутая, абсолютно чокнутая!

Я рывком перевернул Сеймур на живот и, позволив лишь подняться на локти и колени, навалился сверху, придавив ее своим весом, прижав ее руки своими, стиснул бедрами ее ноги, и принялся покрывать поцелуями шею, спину, прихватывая зубами, посасывая, сходя с ума от вкуса этой горячей влажной кожи под губами и языком.

Горячее, обнаженное тело подо мной извивалось, изнемогало, льнуло к моему, пожирая мой самоконтроль, требуя еще. От желания меня уже просто трясло.

Где твоя ярость, ведьма? Где твоя изощренная мстительность? Почему ты позволяешь мне это?

Я чуть отстранился, удерживая руки на ее бедрах, стараясь отдышаться, не сорваться, не…

Она выгнула спину, и упругие ягодицы бесстыдно вздернулись открылись моему взгляду, и не только взгляду, и я почти ощутил, как туго, мучительно медленно втискиваюсь между сжатых складочек, и…

Твою мать, Сеймур!

Я, закрыл глаза, пытаясь взять себя в руки.

Бесполезно. Охренительно прекрасный образ отпечатался на сетчатке, прожигая нервную ткань и въедаясь в мозг.

Я сейчас сдохну. Или кончу.

Вколоченное в подкорку правило – в первую очередь позаботиться о нуждах партнерши, выдержавшее даже дурную ярость, приведшую меня сюда, позорно пало перед образом голой задницы Кейт Сеймур. Сейчас я как никогда был готов сорваться.

Зажмурившись, дыша сквозь зубы, я обхватил член ладонью, сжал головку, чтобы не спустить немедленно, от одного только вида, от самих мыслей о том, что сейчас будет. О том, что мне все можно, все, что угодно, что только вздумается, пожелается, и эта сумасшедшая не откажет, а позволит, все на свете позволит, податливо прогнется, и, как сейчас, прижмется ко мне бедрами…

С шипением выдохнув, я дернул ее на себя еще ближе и одним рывком вошел до упора, и полностью проиграв в сражении за собственную выдержку, вколачивался и вколачивался в нее удар за ударом, чувствуя только, как гладкие мышцы сжимают мой член, как горячо, и тесно, и сладко у нее внутри, как волнами нарастает и бьет в позвоночник удовольствие, и мир замирает, и темнеет в глазах, и огромный огненный шар взрывается во мне, и прошивает меня и ее насквозь огненными брызгами, и я отчаянно пытаюсь удержаться хотя бы за что-то, но держусь за нее, и это самая надежная опора в мире, это единственное, за что стоит держаться.

Когда мне хватило сил открыть глаза, я увидел то же, что видел и с закрытыми. Прихотливо изогнутая спина, влажная, с капельками пота вдоль позвоночника. Русые пряди, разметавшиеся в беспорядке по полу и ее плечам. Сеймур в изнеможении опустилась, легла на собственные руки, и теперь так же судорожно пыталась восстановить дыхание.

Черт, Сеймур, какая же ты красивая!

Я проскользил ладонями от ее талии выше, к плечам, шее, ловя в частящем пульсе отголоски ее оргазма, от шеи скользнул по плечам, ниже, обхватил ладонями грудь, сжал, ловя сладкий стон остаточного удовольствия. Потерся

бедрами о ее ягодицы, и с удовлетворением ощутил слабый трепет.

Чертова девка. Если она и дальше будет так надо мной изгаляться, я рано или поздно опозорюсь.

Я наклонился, и прошелся цепочкой укусов вдоль позвоночника.

Сумасшедшая девчонка. Ну, кто, кто еще, кроме тебя, позволит прикоснуться к себе злейшему врагу? Кто еще с головой окунется в этот долбаный водоворот, от которого, того и гляди, меня разобьет сдвиг по фазе? Одновременно быть в ярости и хотеть тебя – это мой нынешний девиз. Это основное состояние текущего года.

Я гладил ее живот, сжимал, стискивал, пощипывал небольшую, но охренительно сногсшибательную грудь, выписывал круги и петли языком и губами на ее спине. И сквозь кожу ладоней, настроенным на нее восприятием, обостренным, как чувствительнейший из приборов, ощутил, как в Кейт снова зарождается желание. Провел ладонями вдоль стройного тела. С силой, грубо, почти больно сжал ее бедра, дернул ее на себя, и она задушено пискнула, застонала, пытаясь потереться об меня. Почувствовать меня внутри полнее. Но я не дал, остановил ее движение, стиснув выступающие тазовые косточки. Вдавив сладкую, горячую девочку в себя. Руки снова скользнули по животу к груди. Я снова обхватил нежные полушария ладонями. Продолжая целовать шелковистую спину, посасывая ее, порой прикусывая, зная, что завтра на нежной коже появятся отметины, сжал соски, покатал их в пальцах. То мягко, то почти болезненно, то вовсе еле ощутимо, наблюдая, как она разгорается все сильнее, как жалобно поскуливает, как прикусывает костяшки пальцев, пытаясь задавить непристойные звуки…

Я старался держать себя в руках. Заставлял себя помнить, что подо мной не просто упругое жаркое тело, в котором мне так охренительно хорошо, что вбиваю член не в тугие мышцы. Что подо мной бьется от восторга чистейшая мстительность, изощренный разум и несгибаемая воля хитрой, злопамятной ведьмы. Пытался сдерживать себя этим – но лишь заводился еще сильнее.

Кейт подо мной толкнулась, выпрямляясь, поднимаясь на колени. Прижалась ко мне всем телом, такая податливая, так доверчиво открытая. Положила ладошки на мои руки, лежащие на ее груди. Погладила мои пальцы. Потерлась ладонями

о кисти, стиснула запястья…

Я почувствовал, что мой член, который я так и не вынул из нее, снова стал каменно твердым. И она стиснула его мышцами, и принялась слабо двигаться, словно легко танцуя под нежную, неслышимую музыку, оглаживая себя моими руками. Гладя, лаская мои пальцы и кисти. Стиснула одной рукой собственную грудь, прогнулась навстречу этому движению, одновременно сверху, на груди, и снизу, в себе. Я плавно качнул бедрами, и она тут же вписала это движение в свой ритм, делая круговые движения вокруг моего члена. Потянула одну мою руку вниз, туда, где меж гладких скользких губок прятался клитор. Я поймал его пальцами, играюще, дразняще коснулся – и она со всхлипом выгнулась мне навстречу, подала бедрами, пытаясь ускорить темп.

Нет уж! Я строго прикусил ее ушко – плавно, значит, плавно! И она покорно обмякла, вернулась к прежнему скользящему танцу на мне, прижимаясь как можно теснее. Одновременно руководя мной и отдаваясь мне, подчиняясь мне целиком и полностью…

Я чувствовал, как она мягко, но тесно сжимает меня, как мой член двигается у нее в глубине, заполняя ее всю, растягивая, упираясь в горячую преграду… Так медленно, так мучительно, так прекрасно!

Я испытал короткое острое разочарование, когда Кейт перестала ласкать себя сквозь меня, закинула руку назад, и вцепилась в волосы у меня на затылке, потянула, и еще потянула, и сладко-болезненно дернула, и это тоже было хорошо, почти так же хорошо, как когда ее рука лежала поверх моей ладони…

И эта расслабленная доверчивость Сеймур снова снесла мне крышу. Я сгреб ее в объятия, стиснул, как в тиски, и вцепившись зубами в то место, где плечо переходит в шею, стал вколачиваться в нее бешено и яростно, с ликованием чувствуя, как она моментально принимает и этот темп, и отвечает мне с не меньшей яростью. Когда день померк, и моей башке снова взорвались звезды, я точно знал – в этот раз они взорвались не для одного меня. Еще никогда я так ярко, так остро и так полно не ощущал судорог удовольствия моей партнерши!

Кейт

Люблю разминку! Здесь всегда какая-то движуха, свалка, что-то происходит… Драйв!

То кого-то помнут в свалке, а потом все дружно клянутся, что нечаянно, но рожи у всех слишком довольные, то лопнувшим зарядом кому-то снесет косметический морок, а из-под него у самодовольного красавчика вылезут прыщи, то еще что-нибудь веселое.

К примеру, на четвертом курсе, мы тогда занимались спортивными нагрузками вместе с третьекурсницами, какой-то придурок повадился на разминке, особенно в свалке, лапать девчонок, а вычислить его не удавалось – во-первых, разминка это и так толчея, а свалка и подавно, попробуй, разбери, у кого шаловливые ручонки чешутся, а во-вторых, он какой-то хитрый отвод применял.

Удить рукоблуда решили на живца. Наживкой выбрали первую красавицу курса, Беату Рив. Алетта добыла сногсшибательное белье, поверх него натянули футболку на размер меньше, чем нужно, спортивные штаны заменили на шорты. Эдна, одна из облапанных девушек, выделила из своих запасов легкий гламор на ароматической основе. Честно говоря, от того, что вышло в результате, даже у меня, девушки, что-то екало.

На стратегические части тела Беате поставили защиту, а на защиту навесили кто во что горазд, я тоже причастилась – хоть мне внимания извращенца и не перепало. Старшая сестра другой пострадавшей, выпускница, помогла все это скрепить.

В час «хэ» на спортивные занятия пришли даже те, кто имел освобождение.

Что характерно, тренер, обычно безошибочно определявший наличие посторонних конструктов на студентах, и считавший это попытками мухлежа, доспехов Беаты «не заметил».

По свистку разминка стартовала, все принялись делать вид, что азартно ловят заряды, а Беата – ловить рыбу, и «рыба» клюнула.

В общей свалке наш друг протянул грязные, как и его мысли, руки к прелестям наживки, и…

Мы навалились сверху всем девичьим коллективом, наплевав, кто там в какой команде, не давая ему разорвать контакт и прекратить действие чар.

Не знаю, что там придумали другие, а я выбрала простые и доходчивые судороги. Опять же, не знаю, как там с чужими заклятиями, а мое – сработало.

Впрочем, тогда много что сработало – из лазарета он вышел почти спустя неделю, а от косоглазия полностью до сих пор не избавился.

И дорогой артефакт, рассеивающий внимание, из списанных военных, нелегально купленный им летом у кого-то из знакомых, не помог – личность виновного установили еще на поле, и от линчевания толпой разъяренных ведьм его спасло только вмешательство тренера.

Словом, разминка всегда радовала общественность чем-нибудь эдаким.

Но сегодняшняя превзошла многие ожидания. Феррерс сломал Итану Брауну руку и два ребра.

Обалдеть.

Хотя, куда уж больше?

Нет, Феррерс делал вид что все вышло случайно. Что произошедшее – лишь попытка помешать гостю столкнуться с перенасыщенным снарядом, готовым к взрыву.

Тренер ему, кажется, даже верил…

Но я-то видела насквозь эту лицемерную скотину!

И все равно, стычка в душевых стала для меня сюрпризом.

Феррерс был зол. Браун определенно на него плохо влиял – настроение у придурка с самого приезда шельгарцев было хуже, чем у меня при месячных.

В первый момент я испугалась, что двумя сломанными ребрами сегодня дело не закончится, и мои бедные косточки продолжат список – но обошлось. Благо, злость у Феррерса быстро перерастала в либидо, а мои собственные критические дни еще не начались.

Из душевой я выходила на подгибающихся ногах, и виной тому были вовсе не натруженные колени…

Ладно, это все конечно очень хорошо, а в отдельных случаях даже и изумительно, но когда уже гости дорогие уедут?

А то я до конца их визита, если так и дальше пойдет, могу и не дожить.

Одна надежда, скоро у выпускных курсов начнется подготовка к экзаменам, а у всех остальных – к итоговым контрольным работам. К этому моменту наших обменников точно должны вернуть, а шельгарцев – забрать.

Глава 5

Утомительная неделя, полная злых стычек, побегов в самые людные места и моего раздражения, которое пробивалось из-под заклятий школьной медсестры, наложенных, дабы призвать к порядку подростковые и менструальные гормоны, эта отвратительная, толкающая меня к разрушениям и смертоубийству, неделя подошла к концу.

И вплотную приблизился мой день рождения.

Начался он с подарков, и самым первым его вручило мироздание: с утра, сев на кровати, я прислушалась к себе и не ощутила желания одновременно заплакать, съесть шоколадку, забиться в самый темный угол и прокрутить на фарш все человечество в целом и отдельных его представителей.

Славься, мир!

Эти дни наконец-то закончились!

С облегчением и улыбкой до ушей я рухнула обратно на кровать, и тут-то на меня сверху свалился второй подарок, на сей раз от мамы.

Энциклопедический справочник по теории сопряжения заклинаний, лично мной выбранный пару месяцев назад, в нарядной оберточной бумаге, приятно и увесисто шлепнулся на живот, взорвавшись блестками, конфетти и серпантином.

Под хихиканье проснувшихся соседок, я села, отплевываясь от попавших в рот бумажек и нежно обнимая свою драгоценность. Развеяла поздравительную мишуру, и сконцентрировавшись на нужном заклинании, выдохнула. Вздох превратился в рой золотистых искорок, и я сказала ему:

– Спасибо, мама! Ты самая лучшая, я люблю тебя!

Искры осыпались с нежным звоном, с тем, чтобы в этот же самый момент возникнуть наяву перед моей кровной родственницей, и терпеливо дождаться, пока она проснется и примет сообщение.

Соседки, чинно дожидавшиеся, пока я обменяюсь нежностями с поздравителем первой очереди, сочли, что проявили достаточно деликатности, и с жизнерадостным ревом «С днем рождения!», залпом выстрелили в меня новой порцией поздравительного конфетти. Я ответила, и мощный заряд разноцветных блесток осел на вероломном противнике.

Сборы на завтрак протекали с визгом и смехом, прыжками по кроватям и обстрелом друг друга подушками и салютами. А на занятия мы пошли, так и не сумев удалить из особо труднодоступных мест блестки и кружки конфети…

По дороге в кабинет магической теории, Гвен шепнула мне на ухо:

– Рива бутылку чудесилки притащила, после ужина будем праздновать!

Я растерялась – как-то не ожидала, что девчонки так расстараются. Теплый комок, затаившийся где-то у солнечного сплетения с утра, и не думал растворяться.

Сегодняшняя лекция куратора была посвящена типам магических связей. Высшие и низшие, между человеком и животным, человеком и человеком, животным и животным. Стихийные и сознательные, наведенные и самозародившиеся, полезные, зловредные, нейтральные. Партнерские и рабские, служебные и частные, односторонние, двусторонние, парные, групповые…

Записывая за мистером Вилсоном классификацию и определения типов магических связей, я пока четко сформулировала одно: магических связей – тьма, им не счесть числа, явление это капризное и прихотливое, и при различных условиях, способно перетекать из одной формы в другую, порой не предупреждая субъектов связи.

На этой мысли я шепнула ручке несложное заклинание, и цвет чернил в ней сменился на красный. Черкнув на полях: «Осторожно! Не связываться!», я для верности обвела пометку в круг, и вернулась к синим чернилам и конспектированию лекции.

Лекция в целом мне понравилась, несмотря на все коварство описываемого явления.

Когда занятие закончилось, и я уже складывала вещи, мистер Вилсон окликнул меня:

– Кейт, задержись, пожалуйста.

Я послушно осталась ждать, пока одноклассники разойдутся, а потом пошла за тьютором в его кабинет при аудитории.

Здесь, среди шкафов, заполненных интересными работами по теории магии, авторскими экземплярами книг, методичками, картами и пособиями, едва находилось место для большого письменного стола, пары стульев – одного за столом и одного перед – и старого, но держащегося с достоинством дивана.

Привычная обстановка, навевающая спокойное, доверительное состояние. Располагающая к открытости.

– Это мистер Роск, – представил мне тьютор стоящего возле одного из шкафов мужчину в темном костюме.

Надо же, а я и не заметила его сразу в насквозь привычном интерьере…

– Он хотел бы поговорить с тобой о твоем будущем, – твердо закончил мистер Вилсон и даже придержал меня за плечи, будто подозревал, что я могу развернуться и уйти, хлопнув дверью.

Вот еще! Такого за мной никогда не водилось. Водилось за мной другое, и я, потакая своей вредности, спросила:

– О чем это он хочет поговорить? Вы его предупредили, что я планирую совершенствоваться дальше по направлению зверомагии?

На зверомага мужчина в костюме не походил совершенно. Он походил на серьезного человека из серьезного учреждения. Желающего поговорить со мной на серьезные темы, угу.

Отлично, я мгновенно напряглась. Приятно знать, что твой куратор никогда не сдается!

– Кейт, не спеши, – мягко попросил тьютор. – Послушай мистера Роска.

Человек-в-костюме поставил на место книгу, которую просматривал до нашего появления, и сел на диван, предлагая мне сесть рядом.

Нет, спасибо, я постою! На это нас не купишь – «сядьте рядом, почувствуйте себя на равных»…

– Мистер Роск, – решительно врубилась я в разговор, желая раз и навсегда положить ему конец, по возможности минуя и начало, и кульминацию, – я не буду заниматься оборонной магией. Я уже выбрала свой путь в жизни и решения не изменю!

– Значит, зверомагия, – мистер Роск поставил локти на колени, оперся подбородком на собранные в кулак руки. – Позвольте узнать – почему?

Расслабленная поза и спокойный взгляд собеседника как-то сбивал меня с воинственного настроя. Но я собралась!

– Потому что мне это нравится! Хотя и не представляю, как это вас касается… – проворчала я себе под нос продолжение фразы.

– Не надо дерзить, юная мисс, – миролюбиво хмыкнул собеседник, ничуть не задетый моим выступлением, и я окончательно уверилась – из этих. Аристократ.

Старая магическая знать.

Эх, ну что им стоило устроить этот разговор на денек раньше? Тогда бы я им продемонстрировала, почему не стоит тащить меня в защитку. Так нет же, явился как раз тогда, когда дикий коктейль из ПМС и Феррерса меня отпустил.

Я разочарованно вздохнула, и признал его правоту:

– Извините. Просто… – и неопределенно передернула плечами.

Нет, не просто. Ничего в этой теме не просто. И пока я свою зверомагию не отстою – просто не станет!

– Вы понимаете, как теряете в статусе, делая такой выбор? – неожиданно спросил мистер Роск. – Кем вы можете стать, если обратитесь к зверомагии? Ни денег, ни громкого имени, ни мало-мальски весомого положения в магическом сообществе. Защитная магия открывает совсем иные перспективы…

Он говорил спокойно и доверительно, не напирая на мой талант, не убеждая настойчиво не зарывать его в землю и сделать такой выбор, как он говорит. Он говорил о вещах приземленных и практичных, о которых порой говорила мне мама и думала я сама – о том, что мало иметь дар, надо его еще выгодно приложить и грамотно монетизировать.

– Кейт, задумайтесь, что даст вам зверомагия? Прозябание в диких, неуютных местах, оторванных от цивилизации? Весьма скромный достаток? Сомнительный статус скотницы? А защитная магия – это шанс для вас. Шанс блистать. Шанс прославиться. Войти в мир магической элиты, как равная!

И на этих словах я опомнилась.

– Вам всего семнадцать, а у вас уже есть две запатентованных разработки. А сколько у вас работ, не аттестованных в патентной палате? – разворачивал наступление министерский чиновник и, без сомнения, представитель старого магического рода. Может, и не высший аристократ, но определенно, из старой знати.

Много, мистер Роск. Много. И пусть они не проходили госаттестации, они прошли самую главную проверку в мире – практикой. Феррерсом и его дружками.

– И ведь все они связаны с защитной магией, верно? – продолжал развивать мысль Человек-в-костюме. – И ни одной – со зверомагией.

Верно. Все верно. Это была хорошая попытка, мистер Роск. Но я уже очнулась – я вспомнила основную причину, по которой так отчаянно упираюсь, в упор не желая видеть собственного счастья.

Магическая элита. Аристократия.

И нет, я не стану равной среди них – к чему эти сказки мистер Роск? В научной элите – да, возможно. В магической… Даже не смешно!

– И вы хотите променять это будущее на нищенское существование зверомагом у черта на куличках, у виверны под хвостом?

– Да ладно вам, – буднично пресекла я мягкую, окутывающую речь Роска, – у них зарплаты больше, чем у моей мамы – даже у младших смотрителей. Я же была в заповеднике и спрашивала.

Мой скептичный, откровенный тон развеивал остатки заманчивых картин, нарисованных Роском.

– А если вдруг мне мало покажется денег, ну, мало ли, алчность одолеет, то я объединю зверомагию со своим защитным талантом, уйду в туристический бизнес и буду грести золото лопатой, показывая туристам те места, которые раньше были недоступны к посещениям из-за чрезмерной опасности.

– Значит, вы окончательно решили и не передумаете? – хмыкнул Роск, распрямляясь на кураторском диване.

– Окончательно и не передумаю, – твердо отозвалась я.

И вот за это вам отдельное спасибо, мистер Роск! За грамотно подобранные аргументы.

– Что ж, у меня больше нет вопросов к мисс Сеймур, – с по-прежнему благожелательными интонациями сообщил мистеру Вилсону Роск.

– Я могу быть свободна? – подчеркнуто обращаясь только к тьютору, уточнила я.

– Да, Кейт, идите, – грустно улыбнулся куратор.

Попрощавшись и чуть виновато пожав плечами – мол, извините, мистер Вилсон, вы сделали все, что могли! – я вышла из кабинета наставника в смежную с ним аудиторию теоретической магии, а после и в коридор.

И еще кое в чем вы ошиблись, мистер Роск. Мне не семнадцать, а восемнадцать, и сегодня мы будем это отмечать! А в библиотеку за дополнительными материалами по магическим связям можно и в другой раз зайти!

Да, и про инициацию надо не забыть литературу взять…

Радостно закинув рюкзачок на плечо, я поспешила на следующее занятие, чувствуя, как теплый комок, исчезнувший было во время разговора с чиновником, начал сиять опять.

А вечером, после ужина, мы сидели кружком на полу у нас в комнате, и с благоговением смотрели, как Рива достает из шкафа заветную бутыль из темного стекла в оплетке из грубой веревки.

На праздничной скатерти, до которой было временно повышено мое покрывало, уже нашли свое место присланные мамой печеньки, пирожные, и именинный фруктовый пирог, горкой громоздились на школьных тарелках выпрошенные у

понимающей поварихи бутерброды. Коробка конфет, фрукты и начатая шоколадка – праздничный стол собирали «с миру по нитке».

Верхний свет погасили, и вместо него над нашими головами парил рой разноцветных светлячков.

Я трепетно прижимала к груди свой подарок.

Разномастные кружки, составленные одна к одной рядом с Ривой, ждали, когда Рива победит плотно пригнанную пробку, и настанет их час.

Чудесилка – питье-неожиданность. Все бутылки разные. В каждой напиток отличается цветом, вкусом, крепостью, запахом… Да что там! Каждый глоток – это сюрприз, и никогда не угадаешь, что случится после следующего. Заговоришь голосом соседки (или, еще смешнее, соседа!)? Запоешь щеглом, заквакаешь жабой? Или, может быть, твой язык на ближайшие пять минут превратится в змеиный? А после следующего глотка появятся рожки?

И нет никакого способа предсказать, что случится в итоге!

Поэтому, когда гордая собой добытчица-Рива совладала с упрямой пробкой и в кружки хлынуло густое темно-красное вино, кружки мы разбирали с некоторым трепетом.

Мы переглянулись, и не сговариваясь сделали первый, самый волнующий глоток, зажмурившись для храбрости.

Мне понравилось – сладко, но не приторно, немного ягодной кислинки на языке и медовое послевкусие, обволакивающее горло…

Когда вино протекло по пищеводу и достигло желудка, я открыла глаза. Мы с соседками внимательно оглядели друг друга – и не нашли никаких изменений. Ну, ослиных ушей никто не приобрел – уже хорошо. Они бы до завтра, конечно, развеялись бы, но все равно!

– Повезло! – сказала Гвен, как самая смелая, и мы с изумлением уставились на вылетевших из ее рта бабочек.

– Хорошая бутылка! – ошарашенно выдавила Рива на пробу, и ее слова повисли в воздухе мягко светящимися знаками нотной грамоты.

– Ага! – поддакнула Алетта, когда выжидающие взгляды переместились на нее, и взвизгнула, когда из ее рта упала и покатилась по полу тяжелая золотая монета.

– Да-а-а уж, – выдохнула я радужными мыльными пузырями, и мы все дружно повалились на пол от хохота, катаясь, всхлипывая и отмахиваясь от мешанины из монет, бабочек, нот и пузырей, подсвеченной разноцветными светляками.

Спустя пару часов, когда именинный пирог был съеден, волшебное вино допито, а соседки, всласть нахохотавшись, расползлись спать, я кралась по школьному коридору в направлении кабинета счислительной магии. Там уже который год плохо работал замок, и достаточно было дернуть посильнее, чтобы он открылся, а изнутри дверь очень удачно подпиралась стулом. Записку со словами «Посмотри в окно, придурок!» я отправила адресату минут пять назад, когда поняла, что спать не хочу, а хочу подарок. А когда чары, удерживающие магическое послание истаяли, отчитавшись мне заодно, что сообщение получено, я с гаденькой улыбочкой запустила в небо из окошка салют – выбрав такое место, чтобы сверкающая надпись «Феррерс – какашка» уж точно была видна из мужского крыла.

Феррерс, само собой, не догадается его подарить, так что придется выбивать. Упаковать подарок он тоже не додумается, поэтому голубенькую ленту я предусмотрительно захватила с собой.

Эдвард

Записка Сеймур разбудила меня, когда я только успел задремать. В окно я выглянул скорее из любопытства – раньше чертова кошка посланий не присылала.

Лучше бы не выглядывал!

После двух-трех попыток развеять надпись, я добился только того, что оно сменило цвет, и, не выдержав, ломанулся искать стерву, намереваясь либо

свернуть ей шею, либо вынудить убрать ее мерзкое послание, по обстоятельствам.

Чутье вывело на дрянь точно, как по наводке. Кипя от злости, дернул дверь раз, другой…

Что за?.. Замок, что ли, сменили?

И только услышав глупое хихиканье, понял, что замок не причем – это стерва забаррикадировалась изнутри, и думает, что ее это спасет!

В бешенстве, я пнул дверь ногой, надеясь, что от удара стопор вылетит, и я доберусь до мерзавки, но нет – результатом стало лишь глумливое хихиканье, еще более мерзкое, чем в первый раз.

Всё! Ей конец! Я ее убью, оторву ей голову, на этот раз – точно!

Чувствуя, как в груди зарождается рык, я сосредоточился на помехе, выпустил заклинание и с удовлетворением отметил, как что-то за дверью с грохотом отлетело, а сама дверь покорно отворилась под моей рукой.

– Тебе конец, Сеймур. Либо ты сейчас же убираешь это дерьмо в небе, либо я выдерну твои поганые кишки и намотаю их тебе на…

Сеймур сидела на парте, обхватив колени. Что с ней было не так. Как бы я ни злился, этого было нельзя не заметить. И это заставило меня оборвать угрозы на полуслове.

– Ой-ой-ой, как страшно! – едко фыркнула Сеймур, попутно слезая с парты.

За каждым словом из её рта летели мыльные пузыри.

Что за?..

Двигалась Сеймур неуверенно и спускалась на пол, вцепившись в парту для страховки, но когда отпустила опору, ее всё равно качнуло из стороны в сторону. Китти ойкнула – и еще несколько пузырей взмыли и лопнули под потолком.

Та-а-ак. Так. Проклятье, пожалуй, исключу. Красная пелена, заволокшая глаза при мысли, что эта овца умудрилась схватить проклятье от кого-то другого, медленно таяла. Новая злость, наползавшая волной, была уже по иному поводу.

Раскоординированные движения, глупые смешки…

В висках застучали крохотные молотки.

– Что ты пила?

Злой рык отразился от стен кабинета, я сам не понял, как оказался возле нее и когда успел впиться пальцами ей в подбородок, запрокидывая голову Сеймур так, чтобы видеть ее глаза.

Она замотала головой, пытаясь освободиться и фыркая, как возмущенный котенок. Молоточки в висках забились сильней.

– Между прочим! Мой день рождения, что хотела – то и пила! И кстати, ты задолжал мне кое-что, Феррерс!

– Что?.. – из последних сил удерживаясь, чтобы не оторвать ей голову на месте, медленно и страшно протянул я, давая этой дуре шанс передумать.

– Подарок! – нагло выдохнула она и помотала у меня перед носом какой-то дурацкой голубой лентой.

Я бы свернул ей шею. Предки свидетелями – я за этим и шел. Вот только сам не понял, как оказался стоящим у стены голышом и с эрекцией, давясь попеременно матом и смехом, наблюдая за стоящей на коленях Сеймур, пытающейся повязать бант мне на…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yasnaya_yana/igry-s-ognem

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити